

адекватных рекомендаций в ближайшем будущем.

В этой связи следует отметить, что такие вопросы, как акцентирование повышенного внимания к базовому (в первую очередь, информационно-технологическому) образованию, расширение возможностей пожизненного обучения с упором на развитие навыков использования информационных технологий, содействие подготовке специалистов в сфере ИТ и других актуальных областях, а также в нормативной сфере, разработка инновационных подходов в целях расширения традиционной технической помощи, включая дистанционное обучение и подготовку на местном уровне, создание современной информационно-коммуникативной сети государственных учреждений и институтов, включая школы, научно-исследовательские центры и университеты, – указаны также и в Хартии глобального информационного общества (Окинава, 2006 г.). Она стала важным документом для анализа перспектив развития разных стран, так как укрепление человеческого потенциала рассматривается как одно из основных направлений

дальнейшего развития информационного общества.

Таким образом, новые информационные технологии оказывают существенное влияние на социокультурную жизнь общества, заметно меняя уклад и характер работы, бизнеса, обучения, игры, отношений между людьми и даже стиль и образ мышления. Но, с другой стороны, информационно-технологические процессы в современном обществе, строго говоря, эффективны в той мере, в какой учитывают и насколько гибко реагируют на его социокультурные особенности. В результате мы по существу являемся свидетелями появления некоего синтетического феномена, основанного на противоречивом единстве информационно-технологических и социокультурных процессов.

Следовательно, перед нами налицо зарождение нового – информационно-технологического – этапа развития человечества. И на этом этапе очень важно, чтобы человек оставался не только профессионально ответственным, но и в культурном и нравственном отношении адекватно ориентированным.

1. Философия науки под ред. С.А. Лебедева. – М., 2005. – С. 355-356.

2. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация. – М., 2004. – С. 62.

3. Независимая газета. – 2006 – 23 окт.

4. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация. – М., 2004. – С. 131-138.

5. Липец А.А. Социокультурная динамика: сущность процессов глобализации и регионализации: дисс. канд. филос. наук. – Нальчик, 2005. – С. 152.

6. Дондуков А.Н., Воронцов В.А. Научно-техническая сфера России на пороге нового века // Развитие информационного общества в России. – СПб., 2001. – Т. 1. – С. 46.

7. Хлунов А.В. Государственная инновационная политика в Российской Федерации: механизмы реализации // Технологический прорыв России: стратегическое партнерство государства и бизнеса. – М., 2006. – С. 10.

8. Masuda I. The information Society as Post-industrial Society. Washington, 1981. – С. 38.

А.В. Середина

Чита

Материальное благополучие как фактор консолидации и стабилизации современного китайского общества в ценностном аспекте

This article's content is the problems of Chinese value concepts evolution in an epoch of total modernization. The author concludes, that the main body of traditional value concepts is still rather stable and steady to modern influence of globalization, which brings the further individualization of personality and value transformation, and the material well-being can be considered as the universal value, as the factor of social consolidation and would guarantee a stability of "harmonious society".

В наши дни Китайская Народная Республика являет собой пример динамичного экономического, социального и культурного развития. В социально-экономической жизни реформируемой страны произошли и продолжают происходить глубокие перемены, связанные, главным образом, с легитимизацией частной собственности

и развитием рыночной экономики. Очевидный прогресс экономики влечет за собой заметные социальные перемены, выражающиеся в изменениях структуры общества, в обновлении приоритетов общественного сознания. Определенное влияние на общественную жизнь и сознание граждан КНР оказывают процессы, свя-

занные с глобализацией. Сегодня специалисты-обществоведы говорят о «глобализирующемся» Китае, а в геополитическом плане и о «новом регионализме» или «национальном стремлении к регионализации» – укреплению всесторонней мощи государства и влияния на социально-экономическое развитие обширного восточно-азиатского региона [6]. Столь стремительные перемены не могут не касаться мировоззрения китайцев, в том числе его аксиологического измерения [16].

Социокультурный феномен модернизирующейся и трансформирующейся китайской действительности требует изучения во всей своей целостности, в динамическом взаимодействии тенденций традиционализма и модернизма. В настоящее время, преимущественно у западных и отечественных авторов, распространена точка зрения, согласно которой традиционные духовные ценности в определенных слоях китайского общества уступают место новым ценностям материального характера. Говорится чаще о трансформации, а не эволюции ценностных представлений, что предполагает изменения вполне глубокие, по мнению некоторых авторов – даже коренные [8]. Определение места материального благополучия в трансформирующейся системе ценностных представлений приобретает, таким образом, очень важное значение в оценке происходящих сегодня процессов.

Исследования ценностей и ценностных ориентаций активно и широко ведутся китайскими обществоведами и другими учеными гуманитарного профиля. Доминанта современных ценностных исследований китайских ученых категорически обозначается как «практическая аксиология». Это выражение, принявшее уже характер научного термина, в значительной степени обязано своей популярностью тем авторам, которые анализировали содержание работ Дэн Сяопина. Общий прагматизм и рационализм китайской общественной мысли отразился в преимущественно эмпирической методологии аксиологических исследований, носящих, как правило, аналитический, но не прогностический характер. К ценностям, таким образом, относят те духовные феномены, которые обладают практической эффективностью, т.е. оказываются полезными для гармоничного функционирования и развития модернизирующегося китайского общества [17].

Большинство исследователей едины в утверждении, что в формировании ценностного сознания китайской нации вплоть до наших дней определяющую роль играет традиционная духовная культура. Сегодня базисные элементы

китайской традиционной культуры успешно адаптируются идейной и руководящей элитой государства и общества к проводимому курсу развития КНР. В частности, ключевая идея – построение «общества среднего достатка» («сяокан») заимствована из древнего конфуцианского наследия. Другое важнейшее положение идейного курса развития – концепция построения «гармоничного общества» («хэсе шэжуэй»), инкорпорируемая в концепцию построения «социализма с китайской спецификой» [3]. Несмотря на относительную идеологическую новизну, идея общественной гармонии традиционно занимала ведущее место в социально-философских построениях китайских ученых начиная с VI-III вв до нашей эры – так называемого «осевого времени» китайской цивилизации, когда формировались основные ее ценности. В традиционной картине мира гармония («хэ») означает динамическое равновесие, реализующееся в двух формах – гармонии внутреннего с внешним, и внешнего со внешним, что дает в сумме «великую гармонию», «великий (единый) Дао». Гармония интерпретируется как внутреннее единство индивида (единство чувств, мыслей, знаний), как согласие между индивидами – социальными субъектами, как оптимальный баланс в отношениях «человек-природа» [5]. По мысли современных китайских теоретиков, современное «гармоническое общество» непротиворечиво объединяет в себе рыночную социалистическую экономику, демократическое управление и передовую культуру [10].

Первостепенной задачей социальной политики КНР является улучшение качества жизни всех слоев населения. Политическая линия построения общества «сяокан» предполагает чрезвычайную актуальность формирования научно обоснованного, логически оформленного определения качества жизни. Можно отметить, что некие абсолютные показатели качества жизни оказываются не вполне актуальными для китайской социально-политической действительности, когда активно поддерживаемые высшим руководством социологические исследования направлены на то, чтобы выявить границы «достаточности», а не просто привязать определенные показатели качества жизни к международным стандартам [7]. Примечательно, что сама семантика большинства китайских слов с общим значением «довольство» основывается на корне «достаточность». Однако нельзя утверждать, что китайцам чужды характерные для Запада стремления к линейному наращиванию материального благосостояния, и в этом отношении, возможно, наблюдается конфликт традиционного (и актив-

но поддерживаемого регулятивными структурами) стремления только к «достаточности», с инспирированным новыми условиями стремлением к «полноте», где уже допускается (прежде негативно оцениваемая обществом) «избыточность». Таким образом, в решении задачи построения общества «сяокан» на первом месте стоит повышение материального достатка граждан, интегрированное в общее повышение качества жизни. Под «качеством жизни» в КНР, как и везде в мире, понимается потребление материальных благ и услуг, состояние духовности, здоровья, продолжительности жизни, окружающей среды, морально-психологического климата и душевного комфорта. При этом два последних аспекта непрестанно подчеркиваются китайскими авторами. Отмечается также, что успешный ход процесса поступательного общественного развития все более зависит от уровня информационно-аналитического обеспечения как управленческой деятельности органов государственной власти, так и профессиональной и бытовой жизни всех граждан [12]. Важно отметить, что в контексте социально-экономического развития в общественно-научных и публицистических материалах постоянно употребляется выражение «устойчивое развитие» («кэчисюй фачжань»). В частом его употреблении кроется глубокий смысл: в первую очередь, обществу необходимо сохранить преемственность во всех аспектах своего функционирования, что может быть, применительно к непосредственному уровню ощущения индивидом своего материального и духовного состояния, грубо сформулировано как «необходимость того, чтобы гражданин сегодня не чувствовал себя хуже, чем вчера» [14].

Материальное благополучие выступает в китайском обществе как особо значимый элемент основы, на которой строится «гармоничное общество» и понимается учеными и идеологами как гарант социально-политической стабильности. В эпоху бурного экономического роста, когда меняются границы социальных групп и страт, материальное благополучие становится необходимым условием функционирования и развития общества. По мере того как растут различия в доходах, имущественном положении, социальном статусе разных групп, высшее руководство ищет пути оптимизации общественно-экономических отношений и создания субстратной основы общественной стабильности в виде многочисленной социальной группы с едиными интересами и потребностями, на удовлетворение которых и может быть преимущественно направлена политика государства. Тенденция эта вполне укладывается в русло преобладающих

социально-политических концепций эпохи глобализации. Идея всестороннего строительства общества «сяокан» принимает форму «движения к общей зажиточности», что неизбежно предполагает и формирование «среднего класса» [18]. Тем не менее, несомненные успехи Китая на пути к обществу «сяокан» все же не позволяют пока говорить о сформировавшемся «среднем классе». Это отчасти детерминировано тем, что в масштабах столь крупного государства в силу неравномерности развития экономики и социальной инфраструктуры крайне сложно определить комплекс необходимых потребностей индивида. К тому же формирование и поддержка «среднего класса» не видится как четко оформленная цель, к которой нужно идти с известным комплексом методов и средств. Показательно, что руководители КНР, прежде всего, направленно формируют новую парадигму мышления социально ответственного чиновничества. Ориентируясь, тем самым, более не на очерченные цели, а на ценностные установки, высшее китайское руководство демонстрирует исключительную гибкость, чутко реагируя на быстро (и порой непредсказуемо) меняющуюся общественную ситуацию достаточно адекватными решениями и действиями. О преимущественно ценностно-ориентированном социальном функционировании можно говорить и применительно ко всем прочим уровням социальной иерархии, где субъект непременно должен руководствоваться некими универсальными принципами, дабы не навредить социальной гармонии в своем вполне оправданном и справедливом стремлении к достижению личного благополучия [8]. Духовная сторона ценностного сознания жителей КНР, тем не менее, нередко уходит из поля зрения зарубежных социологов и политологов, которые пытаются найти здесь черты, свойственные западной культурно-цивилизационной парадигме. Показателен в этом отношении пример социологических опросов по оценке качества жизни в КНР.

Гуманистическая направленность социологической мысли предполагает, что в понятии «качество жизни» обязательно должно учитываться и удовлетворение потребностей в творчестве, в саморазвитии и самореализации своих способностей. Качество жизни есть категория, с помощью которой характеризуют существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека. Качество жизни предполагает и определенное духовное состояние общества. Уровень духовности, по мнению некоторых социологов и психологов, связан с уровнем креатив-

ности субъектов общества и определяется по характеру, спектру и числу творческих инициатив, инновационных проектов, а не только по частоте нарушений общечеловеческих норм [1]. В отношении же современного китайского общества многие из устоявшихся индикаторов социального благополучия не вполне применимы, хотя бы по той причине, что оценочные критерии должны однозначно восприниматься любым гражданином на всей территории страны, объединяя всех единым пониманием. Этому мешает более значительное, чем это обычно представляется, культурно-образовательное расслоение китайского общества, осложненное к тому же и резкой неравномерностью развития как города и деревни, так и мегаполисов и провинций. Качество жизни понимается субъектами общества через восприятие, оценивание и принятие окружающих жизненных условий. Итоговая оценка отражает, таким образом, меру довольства и счастья [9]. Совершенно справедливо, что положительная в огромном большинстве оценка условий для самореализации дается китайцами в силу того, что они не видят большого числа вариантов такой реализации. Очевидно, что в Китае потребность «в творчестве, в саморазвитии и самореализации своих способностей» находит выражение преимущественно в экономической активности, в предпринимательской и коммерческой деятельности [9]. Показательно, что заметно разнятся данные, полученные в результате опросов относительно удовлетворенности качеством жизни, проведенными китайскими социологами и сотрудниками Gallup International – соответственно около 3% и более 30% неудовлетворенных, что, разумеется, главной причиной имеет различную формулировку критериев.

Неоспорим тот факт, что социально-экономические трансформации, процессы глобализации, растущей международной открытости, информационная революция способствуют индивидуализации сознания китайских граждан и стимуляции их креативности. Некоторые авторы обоснованно отмечают неизбежность конфликта традиционных ценностей с теми, которые несет с собой успешная модернизация [15]. Многовековому социоцентризму мировоззрения противостоит необходимость роста и укрепления индивидуального сознания, простое воспроизводство традиционных элементов социального бытия уже не может обеспечить эффективное функционирование социальных институтов вплоть до института семьи. Современный курс развития образования акцентирует внимание на необходимости воспитания самостоятельной мыслящей личности, что подчеркивается в про-

граммных документах, образовательных стандартах, трудах педагогов и психологов. Можно констатировать, что в интересах общественной гармонии современное китайское общество, принимающее «вызов эпохи», нуждается в новом человеке, носителе обновленных ценностей. Поэтому остро встает проблема коррекции традиционных принципов социального поведения. В этом отношении ситуация КНР достаточно специфична, поскольку идеологи и руководители заинтересованы, с одной стороны, в сохранении традиционной духовно-культурной основы, а с другой стороны – в преодолении или коррекции свойственных традиционному этнокультурно обусловленному мировоззрению черт, таких как косность мышления, недостаточная инициативность, общекультурная ограниченность и сниженная способность к усвоению знаний [7]. Проблема эволюции индивидуального сознания связана и с проблематикой качества жизни. Перед идеологами и руководителями государства стоит серьезнейшая задача гармонизации отношений «социоцентризм – индивидуализм» и «традиционализм – креативность» в ценностном сознании отдельной личности, в коллективном сознании общественных групп и общества в целом. Пока же образовательная политика страны содержит потенциальный конфликт, который по многим прогнозам в ближайшее время должен обостриться.

Каким же образом стремление граждан к материальному достатку в условиях современной политической либерализации и растущего плюрализма соотносится с идеей строительства «гармонического общества»? Можно ожидать, что видимая жажда наживы подрывает основы традиционной нравственности, примеры чему активно эксплуатируются в публицистике. Однако на деле обнаруживаются весьма эффективные механизмы как внутреннего регулирования потребностей личности, так и внешнего идеологического воздействия. Выступающие в сознании китайцев порой имплицитно традиционные принципы справедливости («И» объясняется также как долг), искренности («Чэн»), нравственности («Дэ») в нынешних условиях определенного ослабления идеологического давления приобретают, вероятно, еще большую актуальность. Теоретиками-обществоведами «справедливость» трактуется как необходимый механизм разрешения противоречий в обществе и средство достижения социальной гармонии, «искренность» призвана регулировать поведение и стимулировать самосовершенствование личности. «Нравственность», традиционно воспринимаемая как цель и образ существования предметно-

го мира и общества, выражающаяся в естественном, правильном ходе вещей, в более практическом видении понимается как гражданская нравственность [16]. Комплекс традиционных социально ориентированных представлений направлен на разрешение общественных противоречий исключительно мирным путем, на сглаживание острых конфликтов, которые не могут быть пока решены. Конкуренция в современном китайском обществе обращается в русло состязательности, где помимо важных юридических ограничений существуют и морально-этические нормы [11]. Поощрение инициативы и экономической активности граждан не противоречит, таким образом, социальной гармонии в принципе.

Важнейшей чертой достаточно сложной и многообразной, в силу растущего плюрализма, ценностной картины современного китайского общества можно считать почти всеобщую поддержку основной идеи общественного развития – идеи построения социализма с китайской спецификой, даже и при отсутствии единого признания целевых установок ведущей идеологии. Очень существенно и то, что характерная для Западной культуры антитеза «материальное – духовное» в ценностном сознании китайцев в

привычной форме не присутствует. Идея перво-степенной значимости «жизни духа», предполагающей углубленное самообразование и отказ от материальных устремлений, в мирской жизни не слишком популярна. И вряд ли оправданно связывать такое положение только с общим низким уровнем культуры и образования китайцев и ожидать в будущем бурного роста духовных притязаний относительно свободы личности в достаточно жестко регламентированной китайской общественной действительности. «Общественная гармония» и «устойчивое (буквально: способное к продолжению) развитие» – потребность и желание абсолютного большинства. Развивающийся ценностный плюрализм почти не затрагивает традиционных принципиальных основ общежития, хотя и содержит определенный потенциал конфликтности. Руководители государства при поддержке ведущих ученых-обществоведов пытаются ныне сформировать обновленную ценностную систему, которая соответствовала бы чаяниям всех слоев китайского общества, сохранив его стабильность. Результатом трансформации ценностных ориентаций должна стать новая уравновешенная социокультурная ценностная система, вид которой пока представляется лишь приблизительно.

1. Айвазян С.А. Межстрановой анализ интегральных категорий качества жизни населения (эконометрический подход) / С.А. Айвазян. – М., 2001.

2. Бергер Я.М. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая / Я.М. Бергер // Проблемы Дальнего Востока, 2003. – № 2. – С. 29-51.

3. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли: Формирование основ мировоззрения и менталитета / Л.С. Васильев. – М., 1989.

4. Восток, Запад и Россия. Избранные статьи. // Автор и составитель: Малявин В.В. – М., 2005.

5. Калкаева А.А. В чем специфика китайской культуры? / А.А. Калкаева // Проблемы Дальнего Востока, 2004. – № 4. – С. 27-32.

6. Литвинов О.В. Обновление социальной структуры и политической системы КНР / О.В. Литвинов // Проблемы Дальнего Востока, 2004. – № 4. – С. 36-46.

7. Портяков В.А. О перспективах развития Китая / В.А. Портяков // Проблемы Дальнего Востока – №5, 2005.

8. Тertiцкий К. Китайцы: традиционные ценности в современном мире / К.Тertiцкий. – М., 1994.

9. Wang J.C.F. Contemporary Chinese Politics (Ван Дж. Современная китайская политика). New Jersey, 2002.

10. Ван Мэнкуй. Цюаньмянь цзяньшэ сяокан шици сюйяо шэньжэ яньцзюэ жогань чжунъяо цзинцизи вэньти. (Некоторые важные проблемы экономики, требующие глубокого изучения в период всестороннего строительства общества «сяокан».) / Ван Мэнкуй // Чжунго цзинцизи шибао (Китайский экономический бюллетень), 2003.

11. Гао Дуаньцюань. Лунь «цзинчжэн» цзай чжунго-жэнь гуаньянь шицзечжундэ шюэли. 20 шицизмодэ

вэньхуа шэньши (О конкуренции в представлениях китайцев и утверждении в мировом сообществе. Конец XX века – дискуссии о культуре) / Гао Дуаньцюань // Шанхай Чжун-Си чжэсюэ юй вэньхуа бицзю яньцзюхуэй бяньцзи (Сборник материалов Шанхайской научной конференции «Сопоставление китайской и Западной философии и культуры») – Шанхай, 2000.

12. Дандай Чжунго шэхуэй цзели яньцзю баогао (Доклад об исследовании социальной стратификации современного Китая). / Под ред. Лу Сюэи. – Бэйцзин, 2002.

13. Дэн Сяопин. Вэньсюань (Избранные произведения Дэн Сяопина). – Бэйцзин, 1983.

14. Ян Гунфа. Цун цзэци фэньси дао цзэцэн фэньси (От классового анализа к анализу страт) / Ян Гунфа // Цюши (Всемирное обозрение), 2002, № 3.

15. Юй Инши. Сяньдай жусюэзэ хуэйгу юй чжаньван (Современное конфуцианство: экскурс в прошлое и взгляд в будущее) / Юй Инши. – Бэйцзин, 2005.

16. Чай Вэньхуа. Сяньдай жусюэ юй 21 шици Чжунго вэньхуа (Современное конфуцианство и культура Китая XXI века) / Чай Вэньхуа. – Бэйцзин, 2004.

17. Сунь Вэйпин. Чжунго цзячжилунь яньцзюэзэ сянькуан юй шюйши (Современное состояние и тенденции исследований ценностных ориентаций в Китае) / Сунь Вэйпин // Чжэсюэ юаньян (Истоки философии). – Бэйцзин, 2006, № 4.

18. Ян Цинь. Чжунго чжунчан цзэцзи: вэйлай шэхуэй цзегоу чжи лю (Средний класс в Китае: динамика изменений структуры будущего общества) / Ян Цинь. – Бэйцзин, 1999.